

Сырокомля Владислав

**Избранные стихотворения
Людвига Кондратовича
(Владислава Сырокомля)**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
В57

В57 **Владислав С.**
Избранные стихотворения Людвиг Кондратовича (Владислава Сырокомля): Том 1 / Сырокомля Владислав – М.: Книга по Требованию, 2023. – 472 с.

ISBN 978-5-519-76079-9

ISBN 978-5-519-76079-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Настоящее изданіе будетъ состоять изъ двухъ томовъ. Въ эти два тома войдутъ только избранныя произведенія Людвига Кондратовича, извѣстнаго болѣе подъ его псевдонимомъ Владислава Сырокомля. При всемъ желаніи познакомить публику при выходѣ въ свѣтъ перваго тома этого изданія съ біографіей Кондратовича, мы не могли этого сдѣлать, потому что лица, могущія удовлетворительно исполнить этотъ трудъ, отвлеченныя другими работами, обѣщались намъ дать біографію Кондратовича только чрезъ довольно значительный періодъ времени. Поэтому біографія Кондратовича будетъ напечатана при второмъ томѣ этого изданія.

Опредѣлить насколько удачно сдѣланъ выборъ произведеній Кондратовича, конечно, подлежитъ суду нашей критики, указанія которой мы примемъ съ благодарностью и воспользуемся ими для втораго тома нашего изданія. Въ настоящее время для втораго тома приготовлены переводы слѣдующихъ произведеній: „Маргеръ“ поэма пер. Л. И. Пальмина, „Впечатлѣнія пилигрима“, „Варіанты старыхъ темъ“, „Погребальная процессія“, „Обмѣнъ мыслей“, „Винценту Коротыньскому“, „Охотники“, „Шумъ березы“, „Старые часы“, „Мотылекъ“,

„Княгиня Пузыниной“, „Первые мысли“, „Еще певец“, „Освобождение крестьян“, „Стелла Форнарина“ и „*Supio dissolvi*“— въ переводѣ Д. Д. Минаева.

Оставляя также критикѣ опредѣлить значеніе Кондратовича для нашей литературы, мы считаемъ себя въ правѣ только указать, что побудило насъ предпринять настоящее изданіе. Намъ казалось, что въ виду несомнѣнно усиливающагося интереса нашего общества къ ознакомленію съ жизнью и литературою славянскихъ народовъ, знакомство съ поэтомъ славянскаго народа, наиболѣе близкаго къ намъ по историческимъ судьбамъ, будетъ представлять особый интересъ. Творчество человѣческаго духа проявляется главнѣйшимъ образомъ въ двухъ сферахъ дѣятельности—въ наукѣ и искусствѣ. Въ области науки, стремящейся найти объективную, общую для всѣхъ истину, трудно распознать особенности того или другаго народа. Въ области науки національный элементъ уступаетъ мѣсто общечеловѣческому. Только въ сферѣ искусства, преимущественно въ музыкѣ и поэзіи, народный духъ выражается со всѣми его особенностями. Все то, что по своей неопредѣленности, смутности представленія неспособно вылиться въ строгую форму научнаго сознанія, враждебную всякой субъективности, все, что народъ чувствуетъ, чего смутно желаетъ, къ чему стремится, что поддерживасть его въ тяжелые моменты его исторіи, все это находитъ себѣ мѣсто въ его музыкѣ и поэзіи. Конечно, музыка и поэзія не равны по своимъ средствамъ. Поэзія обладаетъ лучшимъ, чѣмъ музыка, средствомъ проявленія и выраженія національнаго духа. Это средство, общее у поэзіи и науки,—человѣческое слово. Пользуясь этимъ могучимъ средствомъ, поэзія дѣлаетъ доступнымъ сознанію самыя тончайшія, неуловимыя эмоціи человѣческой души, самыя неопредѣленныя, едва зарождающіяся

идеи. Съ помощью слова, замѣняющаго кисть поэту, рисуетъ онъ образы, въ которыхъ возсоздаетъ чувства и идеи изъ отдѣльныхъ, часто недоступныхъ анализу впечатлѣній. Въ этихъ образахъ выражаются тѣмъ рельефнѣе, чѣмъ сильнѣе талантъ поэта, особенности народнаго духа, становящіяся понятными всему человѣчеству. Вотъ почему произведенія поэзіи знакомятъ съ жизнью народа, давно умершаго, устанавливая между нами и имъ живое общеніе, дѣлающее для насъ понятными и полными глубокаго, живаго интереса мельчайшія подробности его жизни, его быта. По нимъ мы воспроизводимъ его исторію. Но такое же, если не большее значеніе имѣетъ поэзія въ общеніи съ народомъ живымъ. Она вводитъ въ міръ его сокровенныхъ чувствъ, идей и стремленій, научаетъ понимать не только его политическую и социальную жизнь въ тѣхъ или другихъ уже сложившихся формахъ, но и его идеалы, и его будущее. Поэтическія произведенія извѣстнаго народа знакомятъ съ его интимной, семейной и индивидуальной жизнью, и вмѣсто отвлеченной единицы народа, даютъ живую массу людей, представляющую большій интересъ, чѣмъ простое отвлеченіе. Вотъ почему для сближенія съ какимъ-либо народомъ, сближенія не только политическаго, формальнаго, но сближенія въ силу племеннаго родства и сходства историческихъ судебъ, изученіе его поэзіи имѣетъ, по нашему мнѣнію, весьма важное значеніе. Вотъ въ краткихъ словахъ—*raison d'être* нашего изданія и вотъ на чемъ основывается наша надежда на сочувствіе публики къ этому изданію. Намъ остается просить извиненія у публики за одну весьма существенную погрѣшность въ нашемъ изданіи. На листѣ 21 отпечатаны два стихотворенія, которыя уже были отпечатаны на листѣ 20, а именно: „То грубою силой, то низкою лѣстью“ и „Счастье“. Стихотворенія эти

VIII

занимають 3 страницы. Погрѣшность эта обнаружилась по напечатаніи всей книги и чтобы ее исправить нужно бы было перепечатать вновь 9 листовъ, что замедлило бы выходъ въ свѣтъ книги и потребовало бы весьма значительной и притомъ непроизводительной затраты.

П о ч т а р ь.

Здѣсь пьютъ и хохочутъ, одинъ ты межъ нами,
Какъ плѣнникъ въ неволѣ глядишь...
На чарку, на трубку... Садись же съ друзьями:
Повѣдай о чемъ ты грустишь?

Ни бубны, ни флейта тяжелой печали
Не въ силахъ разсѣять твоей.
Два года уже какъ тебя не видали,
Чтобъ ты былъ хоть разъ веселѣй...

— „Охъ тяжело мнѣ, тяжело на свѣтѣ живется,
Міръ Божій мнѣ больше не милъ...
Дай чарку! За чаркой душа распахнется,
Послушай, что я пережилъ:

Я сталъ почтаремъ еще въ дѣтскія лѣта,
Но рано созрѣлъ я душой:
И позднею ночью и утромъ до свѣта
Не зналъ, что такое покой.

До самой полуночи и спозаранку
Пакеты возилъ и господъ,
За то ужъ устроишь бывало гулянку,
Когда заработаешь злотъ.

Прельщаль я красотокъ, гулялъ я съ друзьями,
Самъ писарь пріятель былъ мой,
А кони борзые — тряхну лишь возжами,
Да свисну — помчатся стрѣлой...

На почтѣ веселье! Какъ гаркнешь, бывало,
Всѣ прочь торопливо бѣгутъ...
А павну подсадишь, ну, значить, попало
Два злота навѣрное тутъ...

Я къ любѣ моей привязался душою,
Въ селѣ по сосѣдству жила.
Хотя на мгновенье къ ней поздней порою,
Бывало, я мчусь, какъ стрѣла.

Разъ писарь позвалъ меня въ полночь глухую,
Вскочилъ я, — то было зимой:
Былъ вѣтеръ холодный сквозь вьюгу ночную
И пылью хлесталъ снѣговой...

„Вези эстафету!“ — Ну, васъ догадало!
Я подъ носъ себѣ проворчалъ,
Вскочилъ въ стремя и не медля ни мало,
Его эстафету помчалъ.

Тьма тьмущая!.. Выюги порывы ночные
Сугробами путь замели.
Ужь дважды мелькнули столбы верстовые,
Чернѣть и третій вдали...

Но, Боже! Вдругъ вѣтеръ донесъ, завывая,
Отчаянный крикъ до меня..
О, видно, то путникъ кричитъ погибая..
И я повернулъ ужь коня.

На помощь! Не то онъ замерзнетъ во выюгѣ..
Но будто шепнуло мнѣ: „Эй!
Брось! Лучше обратнымъ путемъ на досугѣ
Заѣдешь ты къ милой своей!“

Объялъ меня ужасъ, дыханье спирая;
Обмерзъ потный лобъ у меня..
И, крикъ отдаленный рожкомъ заглушая,
Я быстро пришпорилъ коня...

И ѣхалъ обратно, уже разсвѣтало.
Вновь былъ версты за три мой домъ,
А сердце такъ больно въ груди дребезжало,
Надтреснутымъ будто звонкомъ.

Вдругъ въ сторону конь мой рванулся въ испугѣ:
Чернѣлся тамъ столбъ верстовой,
Трупъ женщины возлѣ подъ пологомъ выюги
Лежалъ, бездыханный, вѣмой...

Съ коня соскочилъ я и къ трупѣ живѣе,
Лицо изъ подъ снѣга отрылъ,
И вмигъ я узналъ!.. О, дай чарку скорѣе!
Дай чарку!.. Окончить нѣтъ силъ!..

Л. П А Л Ъ М И Н Ъ.

Т р и з в ѣ з д о ч к и.

I.

„Дайте Христа ради старику съ сумою!
Помолюсь о васъ я добрымъ небесамъ,
Да изъ старой книжки, что ношу съ собою,
Я одну страничку прочитаю вамъ“.

— О, да ты ученый... Книги ты читаешь...
Шляхтичъ видно родомъ... Нѣтъ сомнѣнья въ томъ...
Видно, что въ недолгъ горькій вѣкъ свой маешь,
Прежде жъ былъ, должно быть, бравымъ молодцомъ.

„Да, мой добрый баринъ, иначе со мною
Ветарину бывало... Счастливъ былъ и самъ...
А теперь подъ старость я брожу съ сумою...
Знать Господня воля! Съ ней ли спорить намъ?
Думаешь, что книжку я ношу мірскую?
Нѣтъ, мой милый баринъ, то Завѣтъ Христовъ...
Изъ него читаю за главою главу я...“

О, я знаю книжныхъ свѣтскихъ мудрецовъ!...
Коротко знакомъ я съ тѣми мудрецами:
Будто ледъ холодный свѣтитъ мудрость ихъ.
Книжки ихъ набиты умными рѣчами.
Ха, ха, ха! лишь пользы нѣтъ ни капли въ нихъ.
Мудрецы надъ ними головы ломаютъ
И не вѣрятъ въ опытъ жизни прожитой.
Все на свѣтѣ мѣркой книжной измѣряютъ,
Въ сердцахъ же изсохшемъ вѣры нѣтъ живой.
Ахъ, безъ сердца плохо! Мудрость ихъ сухая
Собственную бѣдность кажетъ и сама...
Какъ бы ни кичилась, фразой щеголяя,
Не замѣнитъ сердца гордостью ума!

II.

„Разскажу, пожалуй, вотъ хоть про себя я,—
По привычкѣ больше въ людяхъ я служилъ;
Хоть была и хатка, хатка небольшая,
Но безъ недостатка старый шляхтичъ жилъ.
У меня три сына, бравыхъ парня было,
Всѣ мы молодцами были вчетверомъ.
Младшаго малюткой небо подарило,
Старшій былъ хорунжимъ въ городкѣ родномъ.
Вдругъ война со Шведомъ... Сборы въ ополченье...
Не сидѣть же дома шляхтѣ молодой?
Гетманъ созываетъ, коротко рѣшенье:
Каждый шляхтичъ бравый на коня и въ бой!

— Ну, прощайте дѣтки! Съ скрытою тоскою
Ихъ благословилъ я... Сѣли на коней
И умчались... Слезы изъ моихъ очей
Покатались градомъ. Сталъ я сиротою!
Божію молитву мысленно прочелъ
И на службу къ пану прежнему пошелъ.

III.

„Панъ мой, очень юный, былъ изъ книжекъ многихъ
Мудростью нѣмецкой модною набитъ.
Но меня онъ слушалъ: стариковъ убогихъ
Чтилъ онъ, лишь порою, помню, говорить:
„Это вздоръ по нашимъ выводамъ ученымъ“...
Да, наукой новой былъ онъ зараженъ,
Говорили даже, что онъ былъ масономъ;
Только ложь,—я видѣлъ какъ молился онъ.

Жилъ я при панѣ въ достаткѣ и въ холѣ.
Панъ старика, какъ роднаго, любилъ.
Выпить, бывало, не прочь я на волѣ;
Чаще же въ лѣсъ на охоту ходилъ.
Или, бывало, молитву читая,
Смотришь, какъ гаснетъ заря въ небесахъ;
Цумаетъ думу, къ дѣтямъ улетаю,
И разольешься въ горячихъ слезахъ...

На небѣ звѣздномъ ночью порою
Страстно три звѣздочки я полюбилъ,—